

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 323.1(476):398

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX вв.);

03.17: История Белоруссии

И.Г. Бочило

Этнические меньшинства Беларуси в малых жанрах фольклора

С давних времён на белорусских землях происходили интенсивные процессы межэтнической коммуникации. Особенное географическое положение способствовало появлению здесь ещё в эпоху Средневековья и Нового времени представителей таких крупных этнических групп, как поляки, татары, евреи, русские, цыгане и т. д. Опыт взаимодействия белорусского этноса с ними нашёл своё выражение в различных произведениях устного народного творчества, в частности в малых жанрах фольклора. Пословицы и поговорки охватывают все стороны существующей действительности, в то время как песни, сказки, былины посвящены, как правило, определённым эпизодам, случаям, они затрагивают отдельные стороны истории, жизни людей. Основным источником возникновения пословиц и поговорок были народные наблюдения. Последние часто велись на основе антиномии «мы – они», «свои – чужие».

В статье отмечается, что образ чужого формируется как общие знания относительно материальной, духовной и социальной культуры представителей различных этнических общностей, живущих рядом с белорусами. Так, вся совокупность произведений малых жанров фольклора, связанных с темой этнических меньшинств, условно разделена на две группы. Каждая группа пословиц и поговорок рассматривается отдельно. Специальное внимание обращено на причины того, что чаще всего героями белорусских пословиц и поговорок становились евреи и цыгане, реже – русские, поляки, украинцы. Отмечается, что в фольклорных произведениях конфессиональный признак часто идентифицируется с признаком этничности. В заключение подчеркивается актуальность и возможность использования фольклорных жанров в исследовании проблемы этнических меньшинств в Беларуси.

Ключевые слова: этнические меньшинства, белорусы, малые жанры фольклора, пословицы, поговорки.

Irina G. Bochilo

Ethnic minorities of Belarus in small genres of folklore

Intensive processes of inter-ethnic communication took place in the Belarusian lands since the ancient times. The special geographical location contributed to the appearance of representatives of such large ethnic groups as Poles, Tatars, Jews, Russians, Gypsies, etc. in the Middle ages and Modern times. The experience of interaction of the Belarusian ethnic group with them has found its expression in various

© Бочило И.Г., 2020

© Bochilo Irina G., 2020

works of oral folk art, in particular in small genres of folklore. Proverbs and sayings cover all aspects of the existing reality, while songs, fairy tales, epics are usually devoted to certain episodes, cases, affect certain aspects of history, people's lives. The popular observations were the main source of their occurrence. They were conducted on the basis of the antinomy "we – they", "friends – strangers". The article notes that the image of a stranger is formed as a general knowledge about the material, spiritual and social culture of representatives of various ethnic communities living near Belarusians. The author divides the entire set of works of small genres of folklore related to the theme of ethnic minorities into two groups. Each group of proverbs and sayings is considered separately. Special attention is paid to the reasons why most often the heroes of Belarusian proverbs and sayings were Jews and Gypsies, less often – Russians, Poles, and Ukrainians. It is noted that the confessional sign is often identified with the sign of ethnicity in folklore works. In conclusion, the author emphasizes the relevance and possibilities of using folklore genres in the study of the problem of ethnic minorities in Belarus.

Key words: ethnic minorities, Belarusians, small genres of folklore, proverbs, sayings.

История появления многих из ныне представленных этнических меньшинств в Беларуси уходит своими корнями в эпоху Средних веков и Нового времени. Так, более шестисот лет назад здесь появились первые группы поляков, татар, евреев, русских, цыган и др. Одной из важнейших причин формирования такой пёстрой этнической структуры является толерантность общества Великого княжества Литовского. Это в значительной степени предопределило формирование впоследствии устойчивых традиций этнической терпимости, действующих и сегодня [1, с. 112]. Именно исторический опыт межэтнических отношений, формы и способы взаимодействия меньшинств и этнического большинства вызывают значительный интерес у исследователей полиэтнических обществ. В изучении проблемы меньшинств традиционно выделяется несколько подходов, отдельно среди которых необходимо отметить антропологический (этнологический): восприятие этнических меньшинств независимо от социально-политического статуса как этнических групп особого вида, носителей иной культуры [2, с. 8]. На сегодняшний день в белорусской этнологии используется целый комплекс источников для изучения рассматриваемой проблемы. Среди них различные виды письменных свидетельств, разнообразные записи и иные фиксации данных, изоматериалы и пр. Однако в значительной степени обделено вниманием или вовсе остаётся невостребованным фольклорное наследие, которое среди духовных достижений каждого народа имеет особенную культурную и научную

ценность. Фольклор объединяет различные виды народного искусства, однако используется преимущественно для обозначения искусства слова – устно-поэтического творчества. Вместе с тем фольклор понимается не только как совокупность жанров устного народного творчества, но и как система взглядов на окружающий мир, традиционная духовная культура в целом в многочисленных её проявлениях. Соответственно сами фольклорные жанры могут рассматриваться не только в художественном аспекте, но и как функциональная составляющая народной жизни [3, с. 280]. Именно фольклор в ряде случаев может дать не сразу очевидную, но не менее интересную информацию, чем, например, статистика. Народный опыт и наблюдения благодаря связи между поколениями и традиционности фольклора в состоянии передать самое яркое и особенное в характеристике тех, кто жил рядом с белорусами на протяжении веков.

Среди многочисленных жанров устного народного творчества белорусов значительную роль в осмыслении образа чужого сыграли поучительные и мудрые своей морально-практической философией пословицы и поговорки [4, с. 13]. Благодаря самоотверженной работе собирателей и исследователей белорусского фольклора ещё на рубеже XIX–XX вв. была сформирована научная база для глубокого изучения духовной культуры белорусов. Среди тех, кто собирал белорусские пословицы и поговорки, и чьё наследие впоследствии легло в основу обобщающих изданий, были братья Тышкевичи, Я. Чечет, И. Носович, П. Шпилевский, П. Шейн, М. Федоровский, А. Сержпутовский, Е. Ляцкий и многие другие. Систематизация достижений этого жанра была осуществлена уже во второй половине XX в. Так, одной из важнейших работ учёных Национальной академии наук Беларуси стало много-томное издание «Беларуская народная творчасць», первый том которого вышел в 1970 г. Классификация фольклорных материалов в серии «БНТ» основывается на жанрово-видовом, функциональном, тематическом принципах. В данной статье мы работали с томом «Прыказкі і прымаўкі» (1976), который состоит из двух книг. Это наиболее полный научно систематизированный свод таких малых жанров фольклора, как пословицы и поговорки.

В развитии послевоенной белорусской фольклористики, помимо научных сотрудников АН БССР, значительную роль играли высшие учебные заведения страны, а также энтузиасты, которые много сде-

лали для сохранения фольклорных архивов, для дальнейшего изучения устного народного творчества. В этой связи отдельно стоит упомянуть имя белорусского писателя, филолога Ф. М. Янковского. Долгие годы профессор Янковский изучал белорусскую фразеологию, проблемы стилистики и культуры языка. Он является составителем сборников афоризмов, пословиц и поговорок, сравнений, фразеологизмов: «Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі» (1957), «З беларускіх літаратурных крыніц» (1960), «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» (1962). В представленной статье использовались материалы, опубликованные Ф. М. Янковским в сборнике 1957 г., а также дополненная и переизданная в 1992 г. работа «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы».

Малоизвестные пословицы и поговорки из архивов этнографов и фольклористов XIX в., а также фольклорного архива БГПУ им. М. Танка, были обобщены А. Аксамитовым в специальном сборнике «Прыказкі і прымаўкі» (2000).

Пословицы и поговорки являются наиболее удачным и содержательным источником для изучения образа этнических меньшинств, их отношений с белорусским этносом. Во-первых, это связано с тем, что, являясь самыми короткими по форме, они в то же самое время точно и чётко передают информацию. Во-вторых, в отличие, например, от легенд и сказок, им не свойственны элементы фантастики, поскольку они основываются на синтезировании реальных явлений, типизации конкретных фактов из жизни общества. В-третьих, будучи атрибутом живого народного разговора этот жанр является самым распространённым и многочисленным [5, с. 21]. Так, основным источником возникновения пословиц были разнообразные жизненные наблюдения, исторические ситуации, черты характера людей. Причем подобные наблюдения очень часто велись на основе антинормы *мы – они, свои – чужие*. Границей в данной антитезе могли быть родственные связи, социальное равенство, внешние характеристики: «Чужое сваім не заві», «Хто не шануе чужога, той свайго не мае» [6, с. 436–444], «Багаты беднаму не сябра», «Багаты брат беднаму брату не рад» [4, с. 25]. Каждый народ стремится осознать себя, своё место в истории и культуре. Нарисовать себе портрет чужого – соседа, иностранца или иноверца – это значит в некоторой степени осознать самого себя, свою уникальность и особенность. В народной культуре отношение к пред-

ставителям других этносов очень часто определяется через понятие этноцентризма, когда *свои* традиции, *своя* религия, *свои* обычаи и *свой* язык воспринимаются как единственно *настоящие* и *правильные*: «Свой свайму паняволі брат», «Свой хоць над вадою патрасець, але ж у ваду не ўнясець», «Род, племя блізка, а свой род бліжэй» [6, с. 139].

Образ чужого формируется как общие знания относительно религии и быта, обрядов и ритуалов, языка и верований этнических меньшинств. В народном сознании *чужак* – это представитель иноэтнической общности, соотносимый с категорией «другого мира» в отличие от «коренных», «местных». Одна из главных черт чужака – иноязычие – соответствовало немоте или природному непонятному языку [7, с. 213]. Чужакам также очень часто приписывались разнообразные недостатки физического, интеллектуального и морального плана. Считалось, что в отличие от «людей» у евреев нет души, а только «пар», как у животных, а русские владеют невысоким интеллектом: «Не дуры Маскву, яна і так дурная» [8, с. 557–559].

Отличия чужаков лежат в их соотношении с нечистой силой. В белорусском фольклоре чёрт очень часто выступает в образе, например, «чёрного маскаля». Чужаку приписывались и сильные магические способности (преимущественно деструктивного характера). В белорусских заговорах как вредительское фигурирует «вока цыганскае, жыдоўскае, татарскае, маскоўскае». Предполагаемая связь чужаков с нечистой силой делала категорически недопустимым их участие в ритуалах календарного и семейного циклов. Так, например, евреев и цыган никогда не брали в кумовья. Такие представления об отдельных этнических меньшинствах были характерны не только для белорусов, но и в целом для славян. Представители иных этносов могли выступать в виде определённого мифологического народа, великанов, людоедов. Такими, по представлению русских, были «чудь», «паны», «литва». Они отличались своей силой и ростом, обладали богатством, убивали и съедали людей, а потом незаметно исчезали [7, с. 213–215]. В приметах, связанных с чужаками, выявляются и положительные черты. Так, новорождённый будет здоровым, когда его в первый раз покормит цыганка (сербское поверье). В семье, где постоянно умирали дети, приглашали к новорожденному чужака (у южных славян). Трактовка образа чужого в белорусском фольклоре динамично развивается

между двумя полюсами – неприятия и толерантности. Именно в этой полярности и заключается уникальность всего комплекса представлений о *чужих*, который отражает и этноконфессиональную полемику, и общественное противостояние, и культурное взаимовлияние [9, с. 7].

На формирование фольклорного образа *чужого* влияла модель культурного соседства, которая сложилась в том или ином регионе. Например, для становления комплекса стереотипных представлений о евреях было немаловажным, в какой среде они формировались – среди жителей местечек с доминирующим еврейским населением или в сельской местности, где немногочисленные еврейские семьи жили в окружении соседей-славян [9, с. 39]. Из местечковой среды, где до этого сохранились материальные остатки «еврейского присутствия» (кладбища, синагоги), можно получить значительный пласт информации, которая касается евреев. Хотя местечковое еврейство составляло достаточно обособленную группу населения, соседи-славяне могли наблюдать за их обрядовыми действиями, культурой. В сельской местности тип региональной культуры был иным: многочисленные еврейские семьи жили в окружении местного населения, в таких же, как и они, домах, ближайшее местечко находилось за несколько десятков километров. Местные жители почти ничего не знали о религиозной жизни евреев, их культовых ритуалах. При таком отсутствии материальных свидетельств *чужой* культуры тут складывалось своё видение представителей этнического меньшинства: евреи во многих случаях становились *своими чужими*, которые растворялись в местной культуре.

Представления о *чужой* вере и *чужом* народе находят отражение в фольклорных произведениях [9, с. 8], причем представители каждого из существующих в Беларуси меньшинств наделялись своим особым комплексом характеристик. Всю совокупность такого рода пословиц и поговорок можно условно разделить на две группы.

- Высказывания, которые передавали наиболее специфические качества характера и поведения.

Благодаря длительным наблюдениям, тесным контактам, белорусы тонко подмечали основные качества тех, с кем они имели дело. Наиболее ярким и распространённым персонажем белорусского фольклора является еврей. Представители этой этнической группы, по представлениям белорусов, являлись особами хитрыми, готовыми

на многое ради личной выгоды – «Жыд на тоя на свеці, каб дабро ні заліжала ў клеці» [10, с. 12]; нередко мстительными – «Як бог да Шлёмкі, гэтак і Шлёмка да Бога» [11, с. 126]. К слову сказать, крайняя поговорка, по мнению некоторых специалистов, происходит из сказки: Шлёмка попросил у Бога, чтобы тот помог спастись от рекрутчины, но парня поймали и отдали служить. После этого Шлёмка в субботу взял топор и начал рубить дрова. На замечание, что это грех, ответил: «Як бог да Шлёмкі, гэтак і Шлёмка да Бога» [12, с. 66]. Часто белорусы характеризовали евреев как людей, умеющих искусно льстить – «Ходзіць жыдок ходарэм перад панам Хведарам» [11, с. 217]; любителей излишнего самохвальства – «Кожны жыдок хваліць свой крамок (тавар, сваю жонку)» (хвалит своё, хоть часто и плохое) [11, с. 55].

Некоторые представления о явлениях природы также связываются с евреями (дождь при солнце – *жыдоўскі дождж*). Во время обряда вызывания дождя на Полесье в колодезь бросали горшок, украденный у соседей-евреев, обливали евреев водой (д. Барбаров Мозырского р-на). Для народной демонологии характерны представления о евреях-знахарях, представления о хапуне (чёрт хватает еврея в судную ночь) [11, с. 174].

Отдельное место в белорусском фольклоре занимают цыгане. Первые исторические свидетельства о появлении этнической группы цыган на землях Беларуси относятся ко второй половине XV – первой половине XVI в. Основное направление миграционных потоков шло с юга и запада – через территории Украины и Польши из Румынии, Венгрии, Германии, Турции, Армении и др. В документах того времени их называли иногда «египтянами», «филистимлянами из малого Египта», а также «цыганами», причём последний этноним уже с XVI в. был преобладающим [13, с. 658]. Селились они на окраинах местечек и городов, где существовали хорошие условия для торговли, ремесла и так называемого цыганского промысла – гадания, знахарства и пр. Власти ВКЛ и Речи Посполитой подозрительно относились к цыганам. Тем не менее, последние находились под охраной шляхты, заинтересованной в талантливых коневодах, кузнецах и дрессировщиках диких животных. Действительно, цыгане стали известны как кузнецы, ювелиры, коневоды, музыканты, певцы, танцоры и дрессировщики животных, а цыганские женщины – ворожеи и знахарки [8, с. 545]. Народный же опыт наделяет цыган следующими качествами:

– плутовство – «Цыган спосабам хату спаліў» [4, с. 289];

– находчивость, хитрость, выносливость, стойкость, умение приспособляться к различным обстоятельствам – «Цыган як галея, дык смялея» (бедность придаёт смелости) [11, с. 116]; «Цыган і пад бараной укрыецца» (укрывался от дождя) [14, с. 128];

– хвастовство – «Кожны цыган сваю кабылу хваліць» [11, с. 55], «Цыган сваю кабылу хваліць, а чужую пад плот валіць» [3, с. 317];

– способность на обман – «Цыган бо жыцца і лжэ» [15, с. 239], «Цыган цыганьскую й прауду гавора» [10, с. 57].

Своё представление сформировалось и относительно быта цыган. Так, белорусы в шутку называли луну «цыганскім сонцам»: *Ты цыганскаму сонцу павер і спакою істотай даверся, адгадаеш тады па траве, што пад ёй і што ў небе наверху*. Выражение рассказывает о привычной жизни цыган, которые ночевали в шатрах или под открытым небом, переезжали на новое место, особенно летом, при свете луны и для них «ноч – матка: усё гладка» (намёк на кражу лошадей) [16, с. 146–147].

Как и представители других этнических меньшинств, цыгане также наделялись сверхъестественными силами. Например, в д. Кармазы Стародорожского района, согласно преданию, цыганка прокляла церковь, и та провалилась. Появилось озеро, которое позже стало болотом [8, с. 545].

• Изречения, которые отражали социальное положение представителей различных этнических меньшинств.

На протяжении всей своей истории белорусы, как и остальные славянские народы, с уважением и искренностью относились к труду. Неслучайно народная мудрость поучает: «Работа не бясчэсціць чалавека, а крэпіць і цешыць», «Праца не паганіць чалавека, а корміць, поіць і вучыць», «Без працы не есці пірагоў» [17, с. 164–182]. При этом традиционным занятием белорусов было земледелие: «Зямля – талерка: што пакладзеш, тое і возьмеш» [18, с. 47], «Паміраць збірайся, а жыта сей», «Хто добра арэ, жне і косіць, той есці не просіць» [19, с. 16–17]. Именно трудолюбие и уважение к земле являлись одним из важнейших критериев, посредством которого белорусы выстраивали свои отношения с представителями этнических меньшинств. Отсюда специфическая, отличная от земледелия, деятельность цыган (кража лошадей, магия) и евреев (корчмарство, ростовщичество, торговля)

также приобретали для белорусов знаковую форму. Считалось, что приобретенное у евреев или цыган «у руку не пойдзе», и этот товар нужно быстрее продать, чтобы он не пропал зря. Присутствие еврея или цыгана во сне трактовалось как предвестник обмана, потери, неудачных приобретений или продажи.

Особое отношение было к татарам, которые появились на белорусских землях ещё в XIV в. Великие князья литовские приглашали их из Золотой Орды и Крыма для военной службы и использовали в борьбе с Тевтонским орденом. В белорусской микротопонимике сохранился образ татарина как врага [8, с. 503]. Однако стоит отметить, что татарское меньшинство не было социально однородным. Отдельную группу составляли потомки военнопленных, которые жили в основном в городах и местечках в так называемых «татарскіх вуліцах», «татарскіх канцах» и занимались различными ремёслами – кожевенным и портняжным, огородничеством, коневодством и пр. Селились татары и в Минске, освоив болотистые места за Замком. О татарах Минской губернии говорили: «Татары – добрыя гаспадары», отмечая также, что усадьба татар всегда была ограждена и имела ухоженный, хоть и небольшой, огород и сад [10, с. 45].

Основной пласт пословиц и поговорок, которые рассказывали о занятиях и положении представителей этнических групп в белорусском обществе, чаще всего касался евреев. Первая зафиксированная историческими документами миграционная волна евреев на территорию Беларуси наблюдалась во второй половине XIV – начале XV в. Великие князья литовские рассматривали евреев как влиятельное финансовое сообщество, поддержка которого была экономически выгодной. Это нашло отражение и в белорусском фольклоре: «За тым жыд і на свеці живець, што грошы маець» [10, с. 12]. Преимущественная часть еврейского меньшинства занималась мелкой торговлей и ремеслом. В этой деятельности они проявляли себя как особы способные и талантливые: «Крамар як камар: дзе сядзе, там і п’е». Значительной и особенной прослойкой были еврей-шинкари. Принуждение крепостного крестьянина пить спиртное только в панских корчмах, которые в свою очередь арендовали евреи, нередко для последних являлось «золотым» источником обогащения [20, с. 19]: «Карчмарова вока і праз лахманы грыўню бачыць» [17, с. 353]. В белорусском фольклоре сложился устойчивый образ еврея как главной причины появле-

ния водки в Беларуси и подчинения через неё крестьян пану [20, с. 20]: «Шынок добры і жыд добры: водкі дасць і спаць пад лаўку паложжа», «Жыд хоць і махлюя, але гарэлкай частуе» [10, с. 12, 61], «Шынкар п'яніцу любіць, ды дачкі за яго не аддасць» [6, с. 353]. Торговля алкоголем приближала евреев к нечистой силе (водка как изобретение чёрта), делала их слугами «ліхога». Показательно, что согласно фольклорной традиции начальным местонахождением евреев был ад, откуда их за бутылку водки выпустил пьяница, после чего они расселились по всей земле. Однако и после смерти еврей (как и большинство чужаков) не может попасть в рай и опять оказывается в аду: «Пана гром забіў, жыда чорт ухапіў» [8, с. 557–559].

С конца XVIII в. отношение властей к евреям меняется, они лишаются части своих былых привилегий. В соответствии с законом о черте еврейской оседлости 1794 г. евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством, а также предписывалось селиться исключительно в городах и местечках. Наиболее ярко суть этого закона передается в следующей белорусской поговорке: «Нядобра, калі жыд пазная грунт, а мужык пазная хунт» (крестьянин должен держаться земли, а еврей торговли) [11, с. 73]. В целом же всякое отношение категории чужака к аграрному циклу воспринималось коренным населением как небезопасный фактор. Так, когда при сборах на поле встречался еврей, работу нужно было отменить и перенести на другой день. В противном случае вместо зерна могли вырасти только одни сорняки [8, с. 557–559].

Чаще всего героями белорусских пословиц и поговорок становились евреи и цыгане, реже – русские, поляки, украинцы. Во-первых, похожие по культуре и образу жизни славяне могли входить в категорию *своих*. Так, например, исторические источники не всегда выделяют украинское население на территории Беларуси. Украинцы чаще всего идентифицировались с белорусами под одним этнонимом «русіны» и одной религиозной принадлежности (православной или униатской). Однако традиционная культура украинских переселенцев имела специфические черты и отличалась от белорусской. Эти особенности наблюдаются в этническом самосознании: белорусы чаще называли соседей «хахламі», а украинцы белорусов – «ліцвінамі» или «літвакамі».

Во-вторых, основным критерием отнесения к категории *своих* был ещё и показатель религии. Фактор конфессиональной принадлежности

вообще играет в системе ценностей народной культуры важную роль. Принадлежность к доминирующей конфессии является для представителей любого этноса главным условием того, что он – неотъемлемая часть *своего* народа. Именно поэтому в фольклорных представлениях о *своей* вере и о *своем* народе конфессиональный признак очень часто идентифицируется с признаком этничности [9, с. 76]. Так и для белорусов все, кто исповедовали одну с ними религию, могли относиться к категории *своих*. Соответственно евреи, которые исповедовали иудаизм, и «цыгане-атеисты» в эти ряды не попадали. В бывшем Пинском повете вблизи деревни Кухоцкая Воля про три кургана записано предание, что в одном похоронен татарин, во втором – пригнанные откуда-то евреи и в третьем – христианин [8, с. 174]. Русские чаще фигурируют в белорусском фольклоре как христианин в целом или московские воины [8, с. 435]. Кроме того, важно отметить, что миграционные волны не создали устойчивой этнической группы русских на территории Беларуси. Первой устойчивой группой русских в Беларуси были старообрядцы (староверы), которые расселились здесь в середине XVII в.

Пословицы и поговорки обозначенных вариантов могли использоваться в разных обстоятельствах. С одной стороны, с их помощью названные особенности могли переноситься на всех представителей этнического меньшинства, даже когда отдельным его членам они не были характерны. Так, образ хитрого еврея и лентяя-цыгана становился собирательным. С другой стороны, перенос мог происходить и в отношении *своих*, когда они владели обозначенными в пословицах и поговорках специфическими качествами. Не зря народный опыт учит: «Чужога добрага не гань, а свайго дрэннага не хвалі» [19, с. 85].

Таким образом, фольклорные произведения, в частности малые жанры, в их образно-языковом воплощении это факты народного видения мира, факты культурного бытия этноса. На протяжении веков они не только жили среди своих создателей, но и реагировали на изменения в самых разнообразных сферах человеческой жизни – политической, социально-экономической, культурной и пр. В них отражено понимание окружающего мира и социальной действительности, где отдельное место занимали различные этнические меньшинства со своей особенной культурой. Пословицы и поговорки как иные вербальные формы народной культуры являются универсальной систе-

мой выведения ценностей, сформированных на художественно-образном уровне, на уровень понятийно-рациональный, открывают исследователям дополнительный ракурс для научного взгляда на образ отдельных этнических меньшинств и межэтнических отношений в Беларуси.

Список литературы

1. Захаркевич С.А. Основные формы адаптации этнических меньшинств Беларуси в иноэтнической среде в XIV–XVIII вв. // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Мн.: БГУ, 2012. – Вып. 7. – С. 112–116.
2. Этнічныя меншасці ў Еўрапейскім Саюзе: асноўныя прававыя крыніцы. – Мн.: БДУ, 2017. – 295 с.
3. Валодзіна Т.В. Фальклор // Этнологія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве. – Мн.: БДУ, 2009. – С. 280–292.
4. Янкоўскі Ф.М. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. – Мн.: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1957. – 451 с.
5. Касько У.К. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага. – Мн.: Вышэйшая шк., 2005. – 383 с.
6. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 615 с.
7. Славянская міфалогія. – М.: Элліс Лак, 1995. – 414 с.
8. Беларуская міфалогія. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с.
9. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 2005. – 287 с.
10. Ляцкий Е.А. Материалы для изучения творчества и быта белорусов. I. Пословицы, поговорки, загадки. – М.: Унив. тип., 1898. – 63 с.
11. Аксамітаў А.С. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. – Мн.: Беларуская навука, 2000. – 320 с.
12. Бласлаўлёнай зямлі неўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Кн. 3 – 186 с.
13. Кто живёт в Беларуси. – Мн.: Беларус. навука, 2012. – 799 с.
14. Ліцвінка В.Д. Слова міма не ляціць. – Мн.: Універсітэцкае, 1985. – 156 с.
15. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 490 с.
16. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мн.: Народная асвета, 1981. – 160 с.
17. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 556 с.
18. 3 вечнага: зборнік фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў Слуцчыны. – Мн.: РНМЦ культуры, 1990. – 62 с.
19. Мудрасць жыцця. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2007. – 93 с.
20. Лобач У. Да гісторыі фармавання негатыўнага этнастэрэатыпа адносна яўрэяў на Беларусі // Нацыянальныя меншасці Беларусі: матэрыялы 1-й Нац. навук.-практ. канф., 21–22 мая 1996 г. – Брэст-Мінск-Віцебск: Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, 1996. – Кн. 2: Нацыянальныя меншасці і міжэтнічныя зносіны на Беларусі ў святле гістарычных фактаў. – С. 16–21.

References

1. *Zakharkevich S.A. Osnovnyye formy adaptatsii natsional'nykh men'shinstv Belarusi v chuzhoy etnicheskoy srede v XIV–XVIII vv.* [The main forms of adaptation of

ethnic minorities of Belarus in a non-ethnic environment in the XIV–XVIII centuries] // *Russko-slavyanskiye issledovaniya: nauch. sidel.* [Russian and Slavic studies]. – Mn.: BGU, 2012. – Vyp. 7. – S. 112–116.

2. *Etnicheskiye men'shinstva v Yevropeyskom Soyuze: osnovnyye pravovyye istochniki* [Ethnic minorities in the European Union: main legal sources]. – Mn.: BDU, 2017. – 295 s.

3. *Volodin T.V. Fol'klor* [Folklore] // *Etnologiya Belarusi: traditsionnaya kul'tura naseleniya v istoricheskoy perspektive* [Ethnology of Belarus: traditional culture of the population in historical perspective]. – Mn.: BDU, 2009. – S. 280–292.

4. *Yankovskiy FM Belorusskiye narodnyye poslovitsy i pogovorki* [Belarusian folk Proverbs and sayings]. – Mn.: Izd-vo AN BSSR, 1957. – 451 s.

5. *Kasko V. Poles'ye divasil: belorusskiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, pogovorki: iz sokrovishchnitsy A.K. Serzhputovskogo* [Poleskaya nard: Belarusian folk Proverbs, sayings, parables: from the Treasury of the A. K. Sierzputowska]. – Mn.: Vysheyshaya shkola, 2005. – 383 s.

6. *Poslovitsy i pogovorki: v 2 kn.* [Proverbs and sayings: in 2 books]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1976. – Kn. 2. – 615 s.

7. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. – M.: Ellis Lak, 1995. – 414 s.

8. *Belorusskaya mifologiya* [Belarusian mythology]. – Mn.: Belarus', 2006. – 599 s.

9. *Belova O.V. Etnokul'turnyye stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Ethno-cultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. – M.: Indrik, 2005. – 287 s.

10. *Lyatskiy Ye.A. Materialy dlya izucheniya tvorchestva i byta belorusov. I. Poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Materials for studying creativity and everyday life of Belarusians. I. Proverbs, sayings, riddles]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1898. – 63 s.

11. *Vel'vet A.S. Poslovitsy i pogovorki: Tolkovyy slovar' belorusskikh poslovits i pogovorok iz arkhivov, sobornykh sobraniy, redkikh izdaniy XIX i XX vekov* [Proverbs and sayings: Explanatory dictionary of Belarusian Proverbs and sayings from archives, Cathedral collections, rare editions of the XIX and XX centuries]. – Mn.: Belaruskaya navuka, 2000. – 320 s.

12. *Bessmertnyye sokrovishcha blagoslovennoy zemli: Narodnaya dukhovnaya kul'tura Logoyskogo kraya: v 3 kn.* [Бласлаўлёнай зямлі неўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн.]. – Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2013. – Kn. 3 – 186 s.

13. *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus]. – Mn.: Belarus. Nauka, 2012. – 799 s.

14. *Litvinka V.D. Slovo ne proletayet nezametno* [The word doesn't fly by]. – Mn.: Uníversitets'kaye, 1985. – 156 s.

15. *Belorusskiye poslovitsy, pogovorki, slovosochetaniya* [Belarusian Proverbs, sayings, phraseological units]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1992. – 490 s.

16. *Lepeshau I.YA. Etimologicheskyy slovar' frazeologii* [Etymological dictionary of phraseological units]. – Mn.: Narodnaya asveta, 1981. – 160 s.

17. *Poslovitsy i pogovorki: v 2 kn.* [Proverbs and sayings: in 2 books]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1976. – Kn. 1. – 556 s.

18. *Iz Vechnogo: sbornik fol'klorno-etnograficheskikh materialov Slutskaya* [From the eternal: a collection of folklore and ethnographic materials of Sluchchina]. – Mn.: RNMTS kul'tury, 1990. – 62 s.

19. *Mudrost' zhizni* [Wisdom of life]. – Mn.: Mastatskaya lítaratura, 2007. – 93 s.

20. *Lobach YU. K istorii formirovaniya negativnogo etnostereotipa o yevreyakh v Belarusi* [On the history of forming a negative ethno-stereotype regarding Jews in Belarus] // *Natsional'nyye men'shinstva Belarusi: materialy 1-y nats. nauchno-prakticheskoy konf., 21–22 maya 1996 g.* [National minorities of Belarus: materials of the

1st National science. proct. Conf., On may 21–22, 1996]. – Brest-Minsk-Vitebsk: Respublikanskiy tsentr natsional'nykh kul'tur, 1996. – *Kn. 2: Natsional'nyye men'shinstva i mezhnatsional'noye obshcheniye v Belarusi v svete istoricheskikh faktov* [Book 2: national minorities and interethnic communication in Belarus in the light of historical facts]. – S. 16–21.